НОВОЕ ИМЯ

За фасадной частью детского сада был хозяйственный двор. Летом там разбивали грядки, где выращивался укроп, редис, лук и чеснок, морковь и свёкла, горох и капуста - всё, что потребно к столу. Но хватало этого минимума только для супа: не помню, чтобы нам давали салат. Иногда старшей группе разрешалась прополка овощей - разумеется, под присмотром воспитательницы. Там же, слева, вдоль Ульяновской улицы, находился дровяной сарай за которым скрывались игроки в прятки. А вообще быть там не полагалось, особенно когда дворник колол дрова. Справа, в углу, находилась мусорная яма пребывание около которой пресекалось самым решительным образом. Туда сбрасывались отходы кухни, различные негодные мелочи, сломанные игрушки, словом, всякая дрянь. Она-то и притягивала самых отчаянных "сталкеров", ходоков в запретную зону. Впереди ямы, ближе к грядкам, росли кусты смородины и шиповник, а ещё ближе возвышался конский щавель, высокие стебли которого вкупе с кустарником почти заслоняли от бдительных глаз воспитателей и кухонного люда строго охраняемый объект. Однако тактика проникновения к нему была разработана детально и с годами практически не менялась. Боевой отряд выдвигался к огороду в тот момент, когда заканчивался завтрак персонала - на кухне. Вооружившись для вида сачками (якобы для ловли бабочек), первые лазутчики внимательно следили, когда в окнах исчезнут фигуры взрослых: это означало, они начали мыть посуду. И тут нужно было действовать молниеносно. Группа, отбросив сачки, ложилась на траву и по-пластунски пересекала самую опасную зону в 8-10 метров. Далее - зона безопасности, прикрытая кустами, а за ней - заветная мусорка. Иногда вылазка не удавалась: из окон замечали подозрительное мелькание, и раздавалось: "Кладков, куда?!" Это был провал всей операции. Нарушителя выводили (иногда - за ухо) и отправляли на расправу к Зое Павловне, заведующей детсадом, читали ему/им нотацию, после чего, конечно же, ставили в угол. Но в случае удачного исхода акции "сталкер" возвращался с добычей, неся сачок, как винтовку, на плече и уже в укромном заветном уголке за кустом или сбоку от здания демонстрировал товарищам свой трофей: катушки без ниток, из которых можно было наделать пушечек и самоходок, осколки цветного стекла (очень высоко ценились), непонятные детали неизвестных предметов, требовавших развитой инженерной мысли, камешки для игры в пристенок - мало ли чего ещё можно было найти в куче мусора! Авторитет счастливца взлетал на небывалую высоту.

Так получилось, что уже через два года после окончания детсадика пронырливый и шкодливый Колька, дежурный нарушитель всех и всяческих запретов, жестоко поплатился за своё озорство и безудержную удаль, когда пробежал по саду соседей, и разгневанный хозяин ради острастки выхватил ружьё, впопыхах нажал курок и прошил хрупкое детское тельце зарядом дроби.

Этот случай стал первым детским потрясением.

* * *

Венцом всех праздников в детском саду была новогодняя ёлка. Музыкальные занятия были во всех группах, начиная с малышовой. Разучивали много стихов и песен. Штатный аккордеонист растягивал меха без устали, раскачиваясь и припадая к инструменту. В канун ёлки он был хозяином положения, и ему все подчинялись. Но подготовка к празднику начиналась задолго. Во-первых, шло изготовление игрушек. Лучшие самоделки можно было увидеть потом и на самой ёлке. Часами мы неутомимо вырезали из картона мячики и зайчиков, лепили ватные яблочки и ватных рыбок, приклеивали петельки к шишкам и орехам и затем обёртывали их фольгой. Вообще-то украшений на ёлке было вполне достаточно, но кропотливый и самостоятельный труд был опять же частью воспитательного процесса: развитие усидчивости и эстетических навыков. Ёлки ведь разрешили только в 1935 году, до того они как продолжение рождественских традиций были запрещены, а потому в суровые сталинские годы новогодний' праздник отмечался с какой-то особой радостью.

Сама ёлка тщательно отбиралась в ближайшем лесу: недостатка в красивых деревьях в те годы не было. Густая, высокая настолько, насколько позволяла высота потолка, она благоухала (по стволу стекала оранжевая липкая смола, которую мы соскабливали, пока ёлка ещё не была наряжена, и жевали) и не просвечивала, когда вокруг неё водили хоровод. Программа новогоднего утренника была весьма насыщенной: продолжительный концерт всех коллективов (что-то вроде годового творческого отчёта) - хор, драматические сценки, сольные выступления, физкультурные номера. Многочасовое мероприятие растягивалось допоздна, к моменту вручения подарков Дедом Морозом и неизменной Снегурочкой младшие уже начинали похныкивать и тереть глаза, их психика была перегружена впечатлениями. К финалу подтягивались родители, к их приходу была приурочена особо красочная и эффектная часть программы. Родители радовались за нас, "зажигались" нашей радостью и в этой ажитации даже могли перепутать собственных чад. Так, однажды Антонина Андреевна, мать Ирочки Колышкиной, потащила меня одеваться, а я упиралась, пока обе мамаши не опомнились. Так и помню, как мы все хохотали, когда недоразумение разрешилось.

Вообще содержательность воспитательного процесса была весьма интенсивной. Не припомню ни минуты уныния или безделья. В школу мы пришли абсолютно подготовленными, читали и писали, усваивали новые знания без натуги, знали множество стихов и песен. И при этом все дети много двигались, танцевали, играли: догонялки, расшибалочки, лапта, цепи-кованые - столько всего передавалось из поколения в поколение, не считая такой почтенной забавы (объединявшей все возрасты и оба пола), как похороны воробья или голубя! "Гори, гори ясно, чтобы не погасло", "липки" и "прятки", "ручеёк" и "классики", "речёвки" и "глухой телефон" - весь классический русский детский репертуар наличествовал в садике, для всего находилось место и время.

Выпускной вечер нашей группы венчал спектакль "Красная Шапочка", где я получила главную роль.

Зоя Павловна была требовательным и строгим администратором, и её голос вводил в трепет самых отчаянных шалунов и метателей подушек в тихий час. Зато какой радостью было заслужить её похвалу, получить подарок из её рук, увидеть улыбку на всегда строгом лице, которое в те минуты светилось изнутри: блестели "железные" зубы, искрились глаза, она как бы оттаивала от повседневных забот (лишь теперь я понимаю цену отсутствия в садике эпидемий и отравлений). Не припомню её собственную дочь Л ару вблизи матери в рабочее время: Зоя Павловна сделала всё, чтобы исключить какую-либо зависть ребят по отношению к привилегированной ровеснице, она и к ней была не менее строга и требовательна, чем к остальным. Напротив, Мария Васильевна (фамилии обеих и имена других воспитателей за давностью лет забыты напрочь) была всегда улыбчива. Я спросила брата, кого бы он выделил из всего коллектива воспитателей, и он без промедления назвал Марию Васильевну. Уже студенткой я встретила Марию Васильевну у книжного магазина, который тогда назывался "КоГИз": она увидела меня раньше и заулыбалась издали, ещё до того, как мы поравнялись. Это была наша последняя встреча, потому и запомнилась навсегда.

Лирическое отступление

Когда родилась наша младшая дочь, мы отдали старшую в свердловский детский садик. Чтобы уменьшить стресс от первой перемены образа жизни, бабушка - моя мать М.И.Казарина - немедленно устроилась нянечкой, чтобы Юля была "под приглядом". Садик находился рядом с нашим домом, и я часто наблюдала из окна, как дочка - спокойная в принципе девочка, не доставлявшая особых хлопот - в одиночестве часами стоит под деревом, разглядывая прожилки на листьях. Было видно, что в садике ей абсолютно неинтересно. Однажды она вернулась домой особенно печальная и даже как будто подавленная. На мой вопрос "Что с тобой?" она ответила: "Я устала". В недоумении я спросила: "Отчего же ты так утомилась?" Она произнесла: "У нас был час смотрения на портрет Ленина. Ася Михайловна нас наказала". После этого случая мы незамедлительно забрали дочь из садика, сожалея лишь о том, что юная Эльза Кох - её неталантливая воспитательница - никогда не узнает, каких трудов нам стоило получить путёвку и обменять её, чтобы приблизить садик к дому.

Но, оказывается, и в этом была воля Провидения: дочка попала под крыло няни - настоящей уральской Арины Родионовны. Совершенно безграмотная, няня была прирождённым педагогом. Мало этого: коротая с обожаемой воспитанницей длинные уральские вечера, няня приучила моё городское "дитя асфальта" к народной речи: "Юлещькя, сегодня мамощкя полущит полущкю, а завтра от той полущки останется две кущки!" И сегодня дочь нет-нет да и вспомнит её прибаутки: "Мамощкя неродная - похлёбощкя холодная!" (действительно: мачеха ведь не оставит ребёнка совсем без еды, только вот разогреть "не расплещется"), или - "Товариш! В штаны навалишь!"(это - младшей), "Расти, косонькя, до пят - женихи-те торопят!"

Сегодня народная смеховая традиция ушла, как Атлантида под воду. В городе смехачество дало жизнь анекдотам и КВНам. Ну что же, каждому времени - свои шутки. Но именно Мария Фёдоровна соединила мою дочь с тем культурным пространством, без которого вообще немыслимо понятие "Родина".

Казёнщины, которой перекормили моих дочерей в детских заведениях, не было и в помине в нашем детсаду номер тридцать три. Разумеется, мы читали и разучивали стихи и песни о Ленине и Сталине, о революции. Но ведь мы росли в эпоху, когда советский строй был на подъёме и приближался к пику своего развития, поэтому энтузиазм и ответственность были естественны и повседневны. Уже в 60-е годы кризис и разложение строя становились всё более очевидными. Отсюда насильственные прививки идеологии: марши школьников у памятников, как на Гатчинском плацу, "вахты памяти", слёты-отчёты; "зарницы" с жёсткой обязаловкой заменили наши походы и игру "поиски клада". Ещё пара десятилетий - и всё рухнуло.

И вот мы имеем то, что имеем: тысячи бездомных и неграмотных детей, подростковые аборты и суициды, повальная наркомания... У выдающегося одесского режиссёра Киры Муратовой наркоманом стал внук неполных девяти лет! Растлителем, увы, нередко выступает искусство.

Читая очередную "страшилку" из криминальной хроники, то и дело натыкаешься на сообщения о том, как пьяные и обкуренные родители забили до смерти собственного ребёнка. Их папы и мамы тоже ходили когда-то в советский детский садик. Интересно, у них там был час смотрения на Ленина?

Я десять лет прослужила в детской библиотеке. А с молодёжью работаю четыре десятилетия. Никогда не пропагандировала творчество В.Крапивина или А.Алексина (ныне гражданина Израиля, но издающегося по-прежнему на покинутой родине, где авторитет книги традиционно высок). Основной тезис этих авторов - продвинутые дети и недоумки-родители - всегда казался мне вредоносным. Подобные книги помогают вырастить бездушных эгоистов, снобов и граждански безответственных верхоглядов. Моя покойная подруга, свердловская учительница Алла Халилеева целиком потеряла собственного сына, ставшего активистом "Каравеллы", детского "клуба романтиков", основанного В. Крапивиным. Когда назрел конфликт отторжения, сын объявил матери: "Если придётся выбирать между тобой и Славой (то есть В. Крапивиным), я выберу Славу". Аля была блестящим педагогом и библиотекарем, за её гробом ехало несколько автобусов учеников и читателей, но я не уверена, что в той многолюдной толпе был её сын.

Я всегда прохладно относилась к конструктивистско-эпигонским построениям А.Волкова, хотя наблюдала сотни ребят, с упоением читающих "Волшебник Изумрудного города" со всеми продолжениями. Считаю большим везением, что мне не пришлось столкнуться на профессиональной стезе с Гарри Поттером - этой практически неприкрытой дьяволиадой, внедряющей в детское сознание агрессию, холодный расчёт и злой умысел. Даже Э. Успенский и его последний опус, где крокодил Гена приходит на приём к Лужкову и действует по законам мафии, мне страшен. Думается, отнюдь не случаен скандал, который учинил Э. Успенский при вручении патриарху детской литературы С.Михалкову премии за многолетний труд, самоуверенно и нагло предлагая в лауреаты ... себя. И ему нисколько не было стыдно! Вообразите такое / из уст П.П. Бажова, К.Г. Паустовского, В.Г. Короленко, Д.С. Мамина-Сибиряка, В.П Катаева.

Вообще детству не нужно много книг, но они должны быть превосходными. В детском саду мы слушали чарующие звуки классической русской поэзии: "Не ветер бушует над бором...", "Ещё в полях белеет снег...", "Люблю грозу в начале мая...", "Я пришёл к тебе с приветом..."; образцы великолепной прозы: "Зимовье на Студёной", "Серая шейка", "Волчишко". Весь детский Пушкин, И.С. Аксаков, Л.Н. Толстой, басни И.А.Крылова, весь арсенал русских народных сказок, где слово и образ неразделимы, и всё вместе является образцом совершенства и мерой подлинной красоты - это непременное чтение в осенне-зимнюю пору в группе, где всем вместе было тепло и уютно.

В Музее детской книги я бы поставила стенд, на котором была бы выставлена вся серия "Мои первые книжки". С графическими рисунками, напечатанные на плохой газетной бумаге, они внесли в наше сознание такие тексты, с которыми бессильна соревноваться нынешняя "лакокрасочная" макулатура. И ещё: мы, дети той эпохи, читали - до поры до времени - одни и те же книги. И в том, что у нас, и сельских, и городских ребятишек, у детей самых разных родителей, был именно такой объединяющий пласт культуры, я нахожу великую мудрость и высшую национальную ценность.

А летние походы с воспитателями на речку, в лес и в поле, на "бочаги" с незабудками, купавками и лилиями! Всё это вспоминается как потерянный рай. И никакие жизненные потрясения и разочарования не могут у нас это отнять.

* * *

... В очередной раз приехав в отпуск в Шарью, я отправилась в Ленинский посёлок. Подошла к дому на Транспортной, 9, где жила в далёком детстве, и уже оттуда знакомым до боли путём направилась к месту, где когда-то был садик № 33. Я почувствовала глухой удар в сердце, когда увидела пустырь, незнакомый дом, выросший сбоку, а кругом - столетний, как мне показалось, лес. Эти огромные липы и берёзы, высоченные мохнатые ели ничем не напоминали хрупкие саженцы военных лет. Как ни странно - встретились одногодки. Я поклонилась пустому месту, шепча в слезах: "Марьвасильна, Зоя-пална (так мы канючили в детстве), Ваши лица и голоса - навеки в наших сердцах".

Какое счастье, что всё это - было.